

Ю. Слатов

**НЕОЖИДАННО
ЗАСЛУЖЕННЫЙ
АРТИСТ**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Юрий Алексеевич Слатов

Неожиданно

Заслуженный артист

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68142227

SelfPub; 2022

Аннотация

Автор книги, профессиональный военный, награждённый орденом Красной Звезды за выполнение интернационального долга в Афганистане, вдруг, стал участником знаменитого ансамбля "Голубые береты". Как это случилось, почему гитара, а не автомат, стала спутницей офицера на всю жизнь? Об этом вы узнаете в автобиографической повести "Неожиданно Заслуженный артист".

Содержит нецензурную брань.

Содержание

От автора	4
Пролог	7
Часть первая	9
Глава первая	9
Глава вторая	16
Глава третья	19
Глава четвёртая	26
Глава пятая	31
Глава шестая	37
Глава седьмая	42
Глава восьмая	46
Глава девятая	52
Глава десятая	58
Глава одиннадцатая	63
Глава двенадцатая	69
Глава тринадцатая	74
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Юрий Слатов

Неожиданно

Заслуженный артист

От автора

Популярную фразу «Чем больше узнаю людей, тем больше нравятся собаки» начинаешь принимать только с возрастом. К своим шестидесяти годам, с неким жизненным опытом, я тоже встал в ряд тех, кто является сторонником этого афоризма. Но я всегда с великой благодарностью Судьбе буду вспоминать людей, которые не давали этой поговорке влезть в мой мозг на разных этапах жизненного пути. Даже написал на эту тему несколько четверостиший:

Есть люди, которые дарят тепло, —
Губами воды родниковой коснулся!
А есть настоящая мерзость. Дерьмо.
И каешься долго, что с ними столкнулся.
Есть люди, с которыми хочется пить
И пить, несмотря на часы и погоду.
А есть – кого хочется просто стереть
Из памяти злым и чужим эпизодом.
Обычное слово, улыбка, кивок...

И кажется, что никогда не забыть
Того человека, что душу сберёг,
Что смог за минуту добром напоить!

Именно к таким «родниковым персонажам» своего стихотворения я отношу моих друзей, которые моментально откликнулись на просьбу помочь финансово в реализации этого проекта.

Владимир Березовец, или, как мы называем его, «Василич» – первый вице-президент Международной ассоциации ветеранов подразделения антитеррора «Альфа», ветеран Афганистана, участник многих спецопераций легендарного отряда – был и остаётся немногословным, выдержанным и крайне порядочным человеком. Его дружба дорогого стоит.

Дмитрий Крикунов и Константин Ким не знают друг друга, да и живут в разных городах: Дима в Камышине, а Костя в Красноярске. Но у них очень много общего. И самое главное – беззаветная преданность авиации. Оба жить не могут без неба и самолётов. Общение с ними – это действительно прикосновение ко всему, что есть лучшее в человеке: доброте, честности, доброжелательности, юмору и простоте.

Сердечно благодарю их за то, что желание рассказать о своём творчестве материализовалось в этой книге.

Я говорю спасибо всем, кто своей заинтересованностью и поддержкой помог мне довести начатое дело до конца, сове-

том или дружеской критикой заставил поверить в то, что это не напрасный труд.

Молюсь за здоровье и благополучие моих родных – жены, детей и внуков – с благодарностью за любовь и терпение.

Поклон тем, кто многие годы говорил мне спасибо за песни, которые я сочинил!

Ваш Ю. Слатов

Пролог

Я смотрю в окно. Вот-вот чёрная беременная туча разродится белым снегом. Начнётся зима. Шестидесятая для меня. Не люблю я её. Не потому, что она уже шестидесятая. Нелюбовь эта началась с приобретения мной первого автомобиля. Эдак лет тридцать назад. Нет, это не агрессивная ненависть, это, так сказать, повседневная сезонная неприязнь. За что? За короткий, стремительный световой день. За равнодушный холод. За бестолковый и наглый снег, который упрямо засыпает машину, дорогу, тротуар. Дети любят зиму. И я любил. Как и все, не слазил с ледяной горки, катался на санках и лыжах, обожал играть в хоккей. У меня и сейчас есть коньки. Лет пять назад достал я их из укромного местечка. Наточил лезвия у доброго мужичка в ларьке около станции Воронок. Взял клюшку и тяжело выкатился на лёд вместе со своими внуками. Тяжело потому, что количество килограммов во мне стало к шестидесяти годам в два раза больше, чем цифра этого самого возраста. Внуки поначалу этого даже не заметили и уважительно сделали комплимент типа «а ты ничего так, дедуля: и катаешься бодро, и клюшкой машешь задорно». Так и крутились вокруг меня, норвя шайбу украсть. Вот и я крутанулся. Да так, что ноги подлетели кверху и я со всего размаху грохнулся на спину. Навернулся так, что последние искры моего юношеского задо-

ра вылетели из глаз, а позвоночник, приняв на себя вес всей туши тела, каждым позвонком обматерил меня до кончиков лезвий этих самых коньков. После такого жёсткого приземления надо было сделать правильный вывод: или основательно похудеть, или же заканчивать с коньками. Я выбрал второе. Всегда есть возможность выбора.

Я смотрю в окно. Уже полетели первые снежинки. Их пока не принимает мокрая, ещё тёплая земля. Тают. Но за них не стоит переживать. Они на редкость настырные. Скоро всё вокруг станет одинаково белым. Зима. Кому-то она по душе. Радует своей чистотой, вентилирует лёгкие свежим морозным воздухом. Каждому своё: кому-то – весна и лето, кому-то – осень и зима. На вкус и цвет, как говорится... Мне нравится The Beatles, а кто-то в восторге от «The Ольга Бузова». Я из прошлого века. Из далёкого моего советского детства. И до этой самой минуты, когда стою и смотрю в окно. Шестидесятая зима.

Часть первая

Несёт меня течение...

Глава первая

Один из любимых рассказов отца, которому исполнилось девяносто три года, – это слышанная всеми членами семьи сотни раз история моего рождения. Именно этим фактом, действительно имевшим место, он объясняет мою связь с музыкой на протяжении всей жизни.

Итак, я родился в обычном роддоме города Орджоникидзе, ныне Владикавказа, ровно в шесть утра под звуки Гимна Советского Союза. Он торжественно загрохотал из настенного радио в больнице. Хорошо, что акушерка не вытянулась, как положено, по стойке смирно, а продолжала принимать меня на белый свет. В противном случае я бы выпал из... её рук и ударился головой о кафель, что не прибавило бы мне ума и музыкального вкуса. Не знаю, действительно ли такое быстрое знакомство с хорошей музыкой – а согласитесь, гимн Александрова гениален – определило мою дальнейшую привязанность к творчеству, но, повторяюсь, так случилось на самом деле.

Мой батя, в тот момент капитан ВВС, был, как говорится,

душой любой компании. Он очень прилично играл на балалайке и семиструнной гитаре, душевно пел популярные в те годы песни. Мама тоже пела хорошо. Где в нашем доме пряталась гитара, я не помню. Но она точно была и по праздникам, как гость, появлялась за столом. То, что мой папа умел играть на гитаре, казалось мне таким же привычным, понятным и обязательным, как красивое платье мамы. Как холодец и салат «Оливье». Как торт «Наполеон» к чаю.

Жили мы в военном городке в пригороде Орджоникидзе. Из окна нашей квартиры был виден Казбек. Наяву, а не на пачке отцовских папирос. Казбек – это гора. Орджоникидзе – это Северная Осетия. Северная Осетия – это Кавказ. И так, мой батя – кадровый военный. Дома мы его видели редко. Иногда он брал меня с собой на службу, и я целый день проводил с солдатами. Посему праздники и застолья случались нечасто. Поэтому и гитару я видел от случая к случаю и никакого интереса к ней не проявлял. Куда заманчивей и многозвучней мне казался баян старшего брата Кольки. Колька ненавидел его всеми фибрами своей души. Родители определили Николая в музыкальную школу – учиться играть на этом инструменте. Брат не переваривал всем своим мальчишеским нутром и баян, и музшколу, поэтому со злорадной радостью разрешал мне давить на все кнопки бедного инструмента и ногами, и руками, а также растягивать меха со всей детской дурью в надежде, что я покалечу баян и он, свалив на меня вину, не пойдёт на занятия. К его глубокой печали

ли, мне это сделать не удавалось по причине малолетней слабости рук и ног. Кроме того, инструмент был более чем качественным. Немецкий «Weltmeister». Это я потом, по старым фотографиям, узнал.

Итак, можно сделать первый вывод: в пятилетнем возрасте пророческое появление на свет под звуки музыки ещё никак себя не проявляло. Куда интереснее мне было найти на стройке карбид, натолкать его в бутылку и залить водой. Закрывать всю эту смесь пробкой, встряхнуть, сунуть в ямку и стремглав уносить ноги. Вместе с друзьями залечь в укрытии и ждать взрыва. Его звук радовал меня куда больше, чем перебор гитарных струн. Короче, отрывистые воспоминания моего глубокого детства никак не связаны с музыкой. Помню только, что очень меня завораживали большие взрослые усатые дядьки в нашем маленьком телевизоре «Рекорд», которые лихо отплясывали кавказские танцы. Особенный восторг вызывала «Лезгинка», где солисты танцевали на согнутых пальцах ног и приземлялись на колени после высоких прыжков. К шести годам я отлично делал именно эти танцевальные «па» к восторгу родителей. Когда собирались гости, они представляли мой номер. Я со всего маха грохался на колени и, ломая пальцы на ногах, орал «Асса!», чем зарабатывал оглушительные аплодисменты. Пальцы давно кривые и не гнутся, колени «хрустят», с укором припоминая мне те выкрутасы, но я до сих пор с восторгом смотрю по телевизору выступления кавказских танцоров и всегда напоминаю

внукам, что я так тоже мог. И вообще, я очень люблю горы и Кавказ.

Как это бывает в военных семьях, периодически случались переезды к новому месту службы. Мне не исполнилось семи лет, когда высокие снежные горы за окном сменились цветущими и вкусно пахнущими деревьями. В 1969 году мы приехали в город Луцк. Понятие «Западная Украина» мне ни о чём не говорило. В охапке с вещами, братом, баяном и гитарой меня погрузили в самолёт, потом в военную машину и наконец, измученного долгой дорогой, уложили спать в деревянную кровать в каком-то маленьком доме. Маленьким он мне показался после нашей пятиэтажки в Орджоникидзе. На самом деле это был очень приличный, большой и зажиточный дом в частном секторе Вышково города Луцка. Все называли этот район «польским». Только там отцу удалось найти нам жильё на первое время. Я долго не мог понять и привыкнуть к тому, как хозяева этого дома обращались к нам. К батю – «пан майор», к матери – «пани майорóва», ко мне и брату – «пан майорёнок» или «хлопчик». Сами хозяева говорили на какой-то смеси польско-украинского и русского языка, поначалу мне не понятной. Зато в одном мне здорово повезло: у хозяев был сын Николай. Всего на год старше меня. Подружились мы сразу и бесповоротно. А за месяц практически породнились. Колька познакомил меня со всеми интересными, с его точки зрения, достопримечательностями посёлка. Мы облазили все сады и огороды. На

свой страх и риск, без разрешения взрослых, купались в речке Стырь. Благо время было такое, что родители ничуть не волновались, отпуская нас на целый день на улицу.

Одно наше приключение запомнилось мне на всю жизнь. Колян затащил меня на чердак своего дома. Такого количества продовольствия я не видел никогда. До сих пор отчётливо помню мешки с окаменевшим сахаром. Связки лука. Жёлтое, завёрнутое в какие-то простыни сало. И ещё много-много всего съедобного. На правах хозяина Николай разрешил пробовать всё, что хочу. Толку от этого разрешения было немного: сахар был гранитным, сало не жевалось, лук я не любил, сухой горох не лез в рот. Тогда мой друг предложил попить сладкого компоту из огромной бутылки, на дне которой были видны какие-то ягоды. С большим трудом налили полную кружку. По очереди выпили её. Было вкусно. «Компот» мне понравился. Сладкий, терпкий и отдающий настоящей, спелой вишней. Налили ещё. Почему-то захотелось показать Кольке, как я умею танцевать «Лезгинку». А ещё – спеть. Состояние было до такой степени непривычным, каким-то праздничным, что мы весело смеялись и говорили всё громче и громче. Компот манил. Налили ещё кружечку. Потом почему-то стали падать, спотыкаясь о мешки и какие-то корзины. Но это вызывало только смех. Шум, издаваемый нами на чердаке, привлёк внимание хозяйки и моей матушки. Снизу раздался голос:

– Хлопцы, шо вы там робыте? Идыть до низу!

Мы бы и хотели «до низу», да не могли. Лестница была крутой. Услышал голос мамы:

– Юрасик, ты там?

Вместо ответа в очередной раз кувыркнулся через мешок. Женщины что-то говорили между собой. Потом хозяйка крикнула строже:

– Коля, холера ясна, йды до мэнэ!

Мой друг Колян, пошатываясь, добрёл до лаза на чердак:

– Мамо, мы туточки. Зараз прийдэмо.

Сказал он это так, что его матуся мигом взлетела по лестнице, отодвинула от проёма сынка и зашла внутрь.

– О боженька, матка боска! – Она увидела меня, бутылку и кружку. Запричитала, обращаясь к моей матушке: – Люба! Воны, дурни, напылыся наливки...

Что было дальше, помню только урывками. Как нас стаскивали – не помню. Крики матери – помню. Было ли плохо – не помню. А вот то, что было весело и хорошо, – отлично помню. И ещё ремень отца на следующий день – то помню, то не помню. Итак, первое знакомство с алкоголем состоялось в шесть лет. Никаких отрицательных эмоций это случайное соприкосновение с градусами в памяти не оставило. Наоборот, тот первый детский вывод подтвердился жизнью: алкоголь – это смешная, весёлая, песенно-танцевальная расслабуха, за которую можно получить пиндюлей. Ежели перебрал, нашумел и уснул в незнакомом месте в неурочный час.

Всё лето мы с Колькой практически не расставались. Я

стал сносно лопотать на местной языковой смеси. Нас знали и уважали все собаки Вышково. И каким, можно сказать, горем стало для нас с другом то, что мы идём в разные школы. Он уже учился в 11-й украинской, а меня зачислили в 1-й класс в 5-ю, русскую. Когда началась учёба, то встречаться стали реже, а взрослеть быстрее. Появились новые друзья. Через год мы получили квартиру в офицерском доме на улице Гулака-Артемовского и уехали из Вышково. Тёплые воспоминания о той поре сохранились у меня в сердце до сих пор. Родители наши ещё долго поддерживали дружеские отношения. Переписывались, когда мы перебрались в Казань. Потом узнали, что мой друг Николай Ганжук стал вертолётчиком и трагически погиб в 86-м году в Чернобыле. Кадры катастрофы его вертолёта над реактором АЭС облетели весь мир. Я тогда находился в Афганистане. Но всё это будет ещё нескоро, в далёком 86-м. А пока на улицах доброго, зелёного, многоязычного Луцка только-только вступали в права 70-е. Начиналась моя школьная жизнь.

Глава вторая

1 сентября 1969 года, как и положено, зажав в кулачке букет цветочков, я проследовал к своей парте в 1-А классе средней школы № 5, что на проспекте Победы. Совсем недалеко от луцкого железнодорожного вокзала. Рядом ещё стадион «Авангард». Здоровенное серое здание. Как сейчас помню, со спортзалом на четвёртом этаже. Кстати, школа была построена на месте солдатского австрийского кладбища времён Первой мировой войны. Об этом все пацаны с первого по десятый класс узнали, когда рядом стали возводить то ли новый корпус, то ли котельную – неважно. Важно то, что, как только вырыли котлован, все мы пропали в этой глубокой яме, периодически откапывая то пуговицу с гербом, то старинную пряжку или ложку. Но больше всего было костей и черепов, что приводило в ужас наших девчонок, к неописуемому восторгу юных копателей. Кстати, все землеройные работы в Луцке тщательно отслеживались пацанвой. В 1944 году там шли тяжёлые бои с немцами. После войны прошло всего-то ничего по времени. Вся земля была нашпигована железом. И чего только не было в моём тайнике под ванной! Немецкая каска, штык, три обоймы патронов, лётный фонарик, остов от автомата «Шмайсер» и много ещё чего секретного. Всё рыжее от ржавчины, кое-где совсем сгнившее, но такое классное, настоящее, а не игрушечное!

У матери случилась истерика на грани сердечного приступа, когда она полезла за каким-то стиральным порошком и обнаружила мой арсенал. Получив от отца пару раз по заднице офицерским ремнём за подготовку взрыва нашего нового дома, я потащил всё моё богатство в военный музей Луцкого гарнизона. Но что-то я отвлёкся от школы, в которую прибыл для учёбы. Хотя, если честно, то на протяжении всех десяти лет моего начального образования отвлекался я от школы частенько. И не всегда по уважительной причине.

Согласно росту меня определили на последнюю парту в классе. Рядом усадили девчонку, которая была ещё выше меня. Маринка Воронина. Парты были деревянные, с двумя откидывающимися крышками и одной скамьёй. В первый же день стало понятно, что Маринка в меня влюбилась. Случайно прижимаясь попами на одной скамейке, мы, без сомнения, породнились. Но это «родство» не мешало нам драться из-за чернильницы, которая тоже была одна на двоих. «Ворона», как я ласково назвал свою соседку, жутко ревновала меня к другим девочкам и безжалостно лупила линейкой по голове, если с высоты своего роста замечала мои заигрывания с одноклассницами. Так как опыта общения с девушками у меня ещё не было, я воспринимал такие проявления любви как должные.

Так же просто и обыденно я воспринял то, что с первого класса нам стали преподавать английский и украинский языки. То, что это был единственный на весь город эксперимен-

тальный класс, мне никто не сказал. И только в классе третьем, случайно, от дворового друга Толяна узнал, что стал «жертвой» родительских амбиций и научных поисков наиболее эффективного детского образования в Советском Союзе. До этого думал, что так и надо, что так учатся во всех классах и во всех школах. С первых же уроков я проникся глубокой симпатией к английскому языку, так как изучать его мы стали с простого стихотворения – «У обезьянки а monkey была подружка а frog – лягушка...» Далее, в таком же англо-русском сложении, перечислялся почти весь зоопарк. Было легко и нескучно. Видимо, поэтому английский у меня сразу пошёл. С грамматикой украинского языка отношения тоже складывались миролюбиво. На улице во дворе, в магазинах и на базаре всегда на слуху была «українська мова». Как-то само собой она становилась понятной и простой. И только с русским языком всегда были проблемы. Искренне считал, что раз я русский, то и так говорю нормально и учить его не надо. Навсегда запомнилось мне расписание уроков в третьем классе на вторник: 1-й урок – украинская литература, 2-й – английский язык, а 3-й – русский. На третьем уроке в голове была жуткая мировая языковая мешанина. К четвёртому классу в моём табеле стояли твёрдые пятёрки по английскому и украинскому языкам, украинской литературе. И скромная четвёрка по русскому. В общем и целом, с учёбой у меня было всё в порядке. Как говорится, твёрдый «хорошист».

Глава третья

«Ладно, оценки оценками, а где же музыка?» – спросите вы. Клянусь, так же рьяно, как рыл землю в котлованах, я копаюсь в своей памяти в поисках каких-то мелодических отблесков первых школьных лет. Но почему-то сразу вспоминается открывшийся в Луцке в 1970 году первый широкоформатный кинотеатр «Проминь». И навечно отпечатавшееся в мозгу мужественное лицо вождя всех краснокожих индейцев на огромном экране. Он – Виннету, он же Зоркий Сокол, он же Чингачгук, он же Оцеола... Короче, лицо принадлежало Гойко Митичу. Югославскому актёру. Это выяснилось намного позже, когда я стал старше. Но тогда, бегая во дворе с луком из сучковатой палки и куриными перьями в голове, мы признавали только его индейский авторитет. Ещё были «300 спартанцев» и мечи со щитами. В какой-то момент я стал царём Леонидом. На смену храброму Леониду пришёл хитрый Фантомас. Мама плакала вечером, оттирая моё лицо от зелёнки. Апофеозом детских игр на сюжеты популярных тогда фильмов стали «Четыре танкиста и собака». Я мучительно страдал, выбирая между образами Янека и собаки Шарика. Пёс нравился мне намного больше, но отец в очередной раз пригрозил ремнём, если в доме хоть что-то будет напоминать собачий лай.

Всё своё свободное от школы время я проводил во дво-

ре. И вот однажды, не помню, по какому случаю, папаня разрешил мне взять с собой на улицу наш жёлтый транзистор «Альпинист». Гордо прогуливаясь с приёмником на руке, выкаблучиваясь перед завидующими мне друзьями, я крутил настройку каналов, пока не попал на какую-то польскую радиостанцию. Песенка, которая кем-то там пелась, сразу подняла мне настроение. Уже немного зная английский язык, я сразу перевёл два первых слова припева: «yellow river» – «жёлтая река». Жаль, что через минуту «запшекали» поляки и музыка закончилась. Но вот желание опять почувствовать такое приподнятое состояние от ритмичной мелодии осталось. Радиоволну я запомнил и стал частенько слушать там музыкальные программы. Поляки редко играли песни на английском языке, обычно ставили свою эстраду, и поэтому, когда я в первый раз услышал слова «... косив ясь конюшину», то подумал, что это на-польском. Песня мне понравилась. Особенно место, где коса делала необычный для уха звук – «вжых-х-х». То, что это пел белорусский ансамбль «Песняры», я не знал, да и не задумывался над этим. Мне исполнилось 11 лет. За спиной четыре класса, первый поцелуй с Ленкой Родюковой из соседнего подъезда, покуривание в рукав сигаретки «Новость» за магазином и заветное желание закончить заниматься плаванием.

Ещё когда учился во втором классе, около стадиона «Авангард» стали строить первый в Луцке плавательный бассейн. На уроке физкультуры в школе вдруг появился ка-

кой-то рыжий дядька и стал к нам присматриваться и принохиваться. Наш учитель объявил, что это тренер по плаванию Владимир Фёдорович Петров. В строящемся бассейне ещё не было первого этажа, а дальноркий Владимир Фёдорович уже искал будущих чемпионов. Так как я был на голову выше своих одноклассников, не считая Вороны, то меня было трудно не заметить. Товарищ Петров заломил мне руки за спину, заставил покрутить головой, а потом попросил лечь на мат и подрыгать ногами. Видимо, в моих конвульсиях он увидел задатки пловца-рекордсмена. Для приличия тренер рассказал всему классу, что скоро откроется бассейн и все желающие приглашаются в секцию пока «сухопутного» плавания. При этом он пристально смотрел мне в глаза, давая понять, что моё желание и не требуется – я уже зачислен. За компанию записался весь класс. Родители встретили эту новость с радостью – ребёнок должен заниматься спортом. Полгода я бегал по кругу в спортзале. Отжимался. Подтягивался. «Барахтался» на полу, изображая кроль или брасс. Я был уверен, что как только в 25-метровую ванну нальют воду, я поплыву, как дельфин. К торжественному открытию бассейна в спортивной секции из нашего 2-«А» осталось только три человека: я, Серёга Соловьёв и Ворона. Маринка не могла позволить себе роскошь – оставить меня с другими юными пловчихами без её надзора. На первом занятии с водой я увидел её во всей девичьей красе: в чёрном купальнике, зелёной шапочке и с доской из пенопласта

в руке. Волосы были убраны под шапочку, уши угрожающе торчали. Я непроизвольно сжался, ожидая привычного удара по башке теперь уже пенопластом. Но ошибся.

Я ни грамма не сомневался в том, что, как только последует команда Владимира Фёдоровича, я нырну в воду с тумбочки и, рассекая воду отточенными на деревянном полу движениями в стиле баттерфляй, полечу к своему первому рекорду. Каково же было моё изумление, когда я, дёргаясь и захлёбываясь, пошёл ко дну! И только вовремя брошенный мне Маринкой пенопласт спас меня от позора. Оказалось, что «сухопутное» плавание несколько отличается от настоящего. И чтобы поплыть, как надо, мне потребовалось ещё полгода упорных тренировок. А Ворона всем в классе рассказала о том, как спасла меня от верной гибели в пучине вод. Затем строго наказала, чтоб никто из её подруг не смел приближаться ко мне ближе её железной линейки. Любовь!

Через год тренировок, к концу третьего класса, я стал показывать очень приличные результаты для своего возраста. Петров пришёл к нам домой и внушил моей матушке, что во мне скрыт потенциал олимпийского чемпиона и они, сообщая с моими родителями, должны сделать всё, чтобы этот потенциал раскрыть. Мама посмотрела на меня другими глазами и прониклась поручением тренера всей душой. Тренировки стали ежедневными. Нагрузки – отнюдь не детскими. И если в начале пути мамуля радовалась моему крепкому розовощёкому виду и отличному аппетиту, то в четвёртом классе я

приползал домой, пугая её отказом что-либо поесть.

Вскоре произошло событие, после которого я окончательно возненавидел спортивное плавание. В одно из воскресений в нашем бассейне проходило зональное Первенство Украины младшей возрастной группы. Мне предстояло плыть 100 метров вольным стилем. Так как это были уже достаточно серьёзные соревнования, то мною были приглашены родители, друзья и одноклассники. Как назло, мать с отцом оказались свободны. И новых фильмов про индейцев в кинотеатре не было. Факт остаётся фактом – знакомого народу привалило много. В назначенное время я прибыл в бассейн. Оголился в раздевалке и готов был отправиться в душ перед заплывом, как, к своему ужасу, обнаружил, что свои плавки я забыл дома. Это была катастрофа! Плавочки были шикарные, не на резинке, а как положено, на верёвочке, чтобы, не дай бог, не сползли в воде. Но находились они дома, а не на мне. Я заметался по душевой. Тренер ждал нас у водной чаши. Уже начали объявлять участников заплыва. Когда я не вышел, встревоженный Владимир Фёдорович влетел в душевую и, узнав, в чём дело, стремглав куда-то умчался. Через пару минут он снова появился передо мной. В его руках было несколько старых плавков и трусов. Кинув их мне со словами «Быстро выбирай!», Петров убежал к судьям попросить о задержке заплыва. Я готов был зарыдать. Все принесённые экземпляры были мне не по размеру и явно не подходили к столь ответственным соревнованиям. Я не решался

выходить на люди в таком позорном виде. Разъярённый тренер схватил меня за плечо и практически силком вывел к воде. В ту минуту я мечтал только об одном – быстрее оказаться в бассейне. Родители с интересом разглядывали мои новые панталоны. Друзья стали хихикать. Ворона напряглась. Но никто из них не знал, что комедия только началась. По команде судьи все замерли на тумбах. Бабахнул пистолет. Со всей силы оттолкнувшись, я сиганул в воду. От встречного напора эти великоватые на три размера плавки оказались ниже моей попки. В доли секунды в голове пронеслись мысли: «Если начну подтягивать трусы, то потеряю время и приплыву последним. Если буду сильно работать ногами, то надо мной будет водяной бурун, и никто ничего не заметит» Забыв про плавание, дистанцию, соперников, я, сверкая голлой задницей, понёсся к финишу. Когда дотронулся рукой до бортика, плавки болтались на кончике пальцев левой ноги. Петров скакал от радости, показывая мне секундомер. Народ на трибунах визжал от восторга. Отец вытирал слёзы от смеха. Маринка рыдала от ревности. Я занял первое место, показав время кандидата в мастера спорта СССР. Тренер громко кричал, что я теперь всегда буду плавать голым. Под оглушительные аплодисменты зрителей я умчался в душевую, проклиная бассейн всей душой.

Поэтому не было человека счастливее меня, когда в октябре 1974 года родители сообщили, что мы переезжаем в город Казань. Отец уволился из Вооружённых сил. Сослу-

живцы вручили ему на память один из лучших радиоприёмников того времени – «ВЭФ-202». Радости моей не было предела: закончились муки в бассейне, и у нас есть такой классный транзистор. Другие чувства испытывали близкие мне люди. Владимир Фёдорович Петров почернел от горя. Он умолял родителей оставить меня в Луцке и готов был даже усыновить меня. Бесплатно. Его можно было понять: он вложил в меня столько сил и нервов, что чувствовал себя просто обворованным и несчастным. Страдала и Маринка Воронина. Бедная, она заламывала руки, уговаривая своих родителей отпустить её в Казань. Выла в школьном коридоре и билась головой о парту, узнав о моём отъезде. Я утешал её как мог. Напоследок попросил на долгую память железную линейку.

Глава четвёртая

Для нашей семьи Казань была далеко не чужим городом. Вся родня со стороны мамы проживала в столице Татарской АССР. Там ждали меня бабушка и тётушки, там уже давно учился в авиационном институте старший брат Николай. Мы начали собирать вещи. И тут случился эпизод, который стал знаковым в моей будущей творческой жизни. Как всегда, при пожаре, ремонте или переезде выкидывается старый и, как кажется, ненужный хлам. Оказывается, была у нас в доме вещь, на которую до этого я никогда не обращал внимания. Маленький красный чемоданчик. Да, я, конечно, видел его по праздникам, но так, мельком, не заморачиваясь. А тут вдруг зашёл разговор между родителями, что, может быть, надо выкинуть какие-то древние граммофонные пластинки и оставить только новые. Короче, они достали этот чемоданчик, который оказался проигрывателем «Юбилейный», и большую кипу самых разных грампластинок. Точно не помню, что там было по репертуару, но я сразу определил, что все пластинки разные: по весу, по размеру, по ощущению в руке. Одни были тяжёлые, как стальные. Крутились на барабане быстро. Шипели змеиным звуком, да ещё вмещали в себя всего по одной песне с каждой стороны. Действительно, древность какая-то. Эти – точно на помойку. Эх, если бы я знал тогда, что в руках у меня было настоящее сокровище!

Но я не догадывался об этом, а отец не подсказал.

Большие пластинки, на которых помещались целые концерты, влюбились в себя сразу и, как оказалось впоследствии, на всю жизнь. Долгоиграющие. Я с интересом рассматривал конверты с фотографиями артистов. Читал названия незнакомых мне песен. На всех обложках был одинаковый знак – Всесоюзная фирма грампластинок «Мелодия». Родители уложили в коробку пластинки популярных тогда исполнителей – Муслима Магомаева, Иосифа Кобзона, Вадима Мулермана, Марии Пахоменко, Майи Кристалинской и ещё кого-то. Остальные с нами в Казань не поехали. Со временем прослушивание грампластинок стало одним из любимых моих занятий, а посещение секции ЦУМа, где их продавали, приравнилось к просмотру нового фильма про Фантомаса или индейцев.

В конце ноября, в разгар учёбы, я стал «новеньким» в 5-В классе средней школы № 20 города Казани на улице Короленко. Кто хоть раз был в этом амплуа, знает, как сложно, особенно в первое время, ужиться в новом коллективе. После маленького уютного Луцка и нашего двора у забора воинской части огромная Казань казалась мне серой и неприветливой. И в классе все были чужими. Многие со странными, как мне казалось, именами – Ринат, Айдар, Гульнара, Альбина... Меня посадили рядом с каким-то пацаном, который упорно не хотел со мной разговаривать. Позже я узнал, что это был самый главный хулиган в классе – Женька Сва-

теев. Но после того, как я угостил его жевательной резинкой, захваченной мной в школу для подхалимажа и наведения мостов, спросил:

– Ты откуда?

– Из Луцка.

– Чё за район такой в Казани?

– Это город такой. На Украине.

– Охренеть! Чё, там жвачка, что ли, есть?

– Бывает. Из Польши привозят.

– Охренеть! Ты чё, из-за границы, что ли?

– Нет. Из Луцка.

Громким шёпотом мой сосед по парте сообщил всему классу:

– «Длинный» из-за границы приехал. У него жвачка есть.

После его слов все стали смотреть на меня с живым интересом, а некоторые девчонки, можно сказать, с симпатией. Ворона моя поубивала бы их на месте! Но её не было, и я позволил себе спокойно рассмотреть одноклассниц, не ожидая получить по башке линейкой. На перемене меня окружили новые товарищи. Стали расспрашивать: кто я и откуда? Слава Богу, большинство знали, где находится Украина и что Польша – не район в Татарии. Они искренне удивлялись моим объяснениям, доброжелательно рассказывали о своём классе. Но всё же подозреваю, что такой живой интерес был вызван наличием у меня наидефицитнейшего лакомства тех лет – жевательной резинкой. Я раздал всё, что имел. На всех,

конечно, не хватило. Но я сразу понял, что попал в дружный класс, – многие, пожевав немного, передавали жвачку своим друзьям или подругам. Короче, первый контакт более-менее состоялся.

Но я даже предположить не мог, что моим «звёздным часом» станет урок английского языка! Оказывается, этот предмет здесь вошёл в программу изучения только в пятом классе. Так же, как и в большинстве школ Советского Союза. Но я-то этого не знал. Я-то учил английский с первого класса и имел твёрдую пятёрку в таблице. Сначала вытянулось лицо у меня, когда снова услышал знакомую до боли «у обезьянки а monkey» и чей-то ответ по знанию английского алфавита. А потом настал черёд изумляться, как на выступлении фокусника, учительнице и моим одноклассникам. На вопрос «сколько букв уже прижились в моей голове?» я бодро представился и рассказал, откуда приехал в Казань. На английском языке. С «манчестерским» акцентом. Джалиля Айтугановна с криком: «Вот радость-то какая!» побежала к директору сообщить, что появился новый участник всех городских олимпиад по английскому языку. Одноклассники подавленно молчали. И только Женька Сватеев, хлопнув меня по плечу, изрёк:

– Я ж говорил: «длинный» из-за границы приехал!

Насладившись неожиданно свалившимся успехом, я стал ждать урока украинского языка или литературы, чтобы до конца добить своих новых товарищей глубокими лингвисти-

ческими познаниями. К моему большому разочарованию, таких уроков в расписании не было. Не изучали почему-то в Казани «украинську мову». Хотя, слава Богу или уже Аллаху, не было уроков и татарского.

Глава пятая

И всё же, я так думаю, моё появление в обычном пятом классе обычной средней школы пусть большого, но обычного волжского города Советского Союза стало событием. Во-первых, потому, что я снова оказался выше всех по росту. К радости девочек. А во-вторых, потому, что никто в этом классе не выезжал дальше Ижевска или Йошкар-Олы. Пацан из какой-то там Западной Украины, с жвачкой из Польши и набором фотографий артистов фильма «Четыре танкиста и собака» не мог остаться без внимания. Наверное, в то время только семьи дипломатов и военных имели возможность так «путешествовать» по стране и миру. В первые пару месяцев я, как знаменитый Кеша из мультфильма «Возвращение блудного попугая», был в центре общего восторга и интереса. Стоя в кругу слушателей, вспоминал: «Вот у нас на Гаити (в Луцке)...» Со временем, когда всё что можно рассказал и раздал, «народная любовь» угасла. К окончанию учебного года я стал самым обыкновенным учеником 5-В класса. Отношения с одноклассниками были ровными, как североамериканские прерии. Подружился с То-ляном Семёновым. С непонятной для меня периодичностью останавливал свой взгляд на девочке из параллельного класса. Нэля Шайгадарова заставляла меня смущаться своим присутствием на перемене или в школьной столовой. Учитывая, что

Маринка «Ворона» в последнем письме обозвала меня бесчувственным голозадрым пловцом, я почувствовал себя абсолютно свободным. Это состояние внутреннего освобождения от обязательств и страха перед железной линейкой дало мне храбрости пару раз постоять рядом с Нэлей у окна на втором этаже. Её ответный взгляд «притормаживал» дыхание. Сердце же билось, напротив, учащённо. Короче, просыпались мужские гормоны. Со всеми вытекающими из сего пробуждения признаками.

К своему удивлению, я стал скучать по привычным спортивным нагрузкам. Но даже то, что совсем недалеко от нашего дома был большой плавательный бассейн на проспекте Ямашева, не соблазнило меня прийти туда и показать свой значок «Кандидат в мастера спорта». Мне исполнилось 12 лет. Я уверен, что выполнение такого норматива в столь юном возрасте привлекло бы ко мне внимание казанских тренеров. Но никакого внутреннего желания снова оказаться на дорожке бассейна у меня не возникло. Тем более что я прекрасно понимал: этот сверхрезультат для меня случаен. Если бы не те синие потрёпанные плавки на вытянутой резинке и голая задница над водой, я бы никогда не проплыл 100 метров «вольным» за 1 минуту и 3 секунды. А чтобы повторить такой результат, из меня вынут всю душу и силы. Это не входило в мои планы. Благо родители не настаивали на продолжении карьеры в бассейне. Но спорт был доступен и звал открытыми дверями во все спортзалы го-

рода. Как-то, не помню по какому поводу, мой друган Толик Семёнов предложил мне пойти с ним на тренировку в секцию баскетбола. Вечером мы пришли в зал нашей «двадцатой» школы. Вначале стук мячей и громкое эхо от него заложили мне уши. Тренер Наиль Тизатдетдинович, увидев мой рост, как-то очень спокойно и просто сказал: «Хорошие данные. Хочешь – приходи. Попробуй. Вдруг понравится». Пришёл. Понравилось. И больше всего – то, что это была командная игра. Всегда можно постоять, перевести дыхание, отдохнуть. Не то что индивидуальная «пахота» на плавательной дорожке. Я понял: баскетбол – это моё! Я командный игрок! Отличная физическая подготовка и рост 185 сантиметров позволили мне в очень короткий срок стать полноправным членом школьной команды. Тренировки были три раза в неделю. Игры случались в основном по воскресеньям. Через год, после очередного баскетбольного «сражения», нас с Толяном пригласили тренироваться в Республиканскую детско-юношескую спортивную школу у Юрия Владимировича Второва. В команде играли ребята со всех районов города. Выезжали на соревнования в другие города Советского Союза. И хотя мы представляли Казань, все соперники называли нас просто: «татары». Ничего не поделаешь – пришлось стать татаринком. Впоследствии команда стала официально называться «Сборная Татарской АССР». У нас играли представители Нижнекамска и Набережных Челнов, Бугульмы и Чистополя. Вытянувшись к девятому классу до одного метра

девятью двумя сантиметрами, я стабильно выходил в стартовой пятёрке на позицию крайнего нападающего. Последние два года учёбы прошли у меня в спортивном классе школы № 55 на Декабристов. Но до них ещё далеко.

Не только спорт присутствовал в моей жизни в ту пору. Для моего старшего брата наш переезд в Казань не стал особо радостным событием. Он учился на четвёртом курсе авиационного института. Жил в общежитии. Был уже вполне самостоятельным, продвинутым парнем. Отлично рисовал. Возглавлял редколлегию институтской газеты «Самолёт». Принимал участие во всех студенческих вечеринках. «Женилка» Николая выросла и тянула его на всякие приключения. А тут – бамс! – «предки» нарисовались. Опять отцовский контроль и мамины переживания. Кому в 21 год это понравится? Ладно хоть, родители позволили остаться ему в общежитии. Со мной братеньник виделся редко, на бегу. Разница в девять лет, именно в том нашем возрасте, сказывалась очень серьёзно. У каждого были абсолютно свои интересы. Но именно Колька, увидев как-то, что я копаюсь с грампластинками, в преддверии встречи Нового 1976 года завёл со мной разговор о музыке. На тот момент мои музыкальные пристрастия только начали как-то оформляться. Во-первых, для меня стало настоящим ударом после приезда в Казань, что наш новый, замечательный «ВЭФ-202» не ловит станции из Польши, Германии, Венгрии и других привычных в Луцке «игралок и говорилок», и я не мог слушать песни на

иностранных языках. Во-вторых, мне порядочно поднадоели пластинки из домашней коробки. А в-третьих, мне всё больше нравилась музыка так называемых ВИА – вокально-инструментальных ансамблей. Я уже купил диски-гиганты «Самоцветов» и «Орэро», маленькие пластинки «Цветов» и «Голубых гитар». На почётном месте стояли «Песняры» и «Поющие гитары». Песни Кобзона и Хиля казались мне какими-то скучными и одинаковыми. Не знаю почему, но на моё ухо не ложились звуки труб и скрипок. А вот гитарные переборы и «соляки», чёткий ритм барабанов и проигрыши на электрооргане приводили в восторг. Всё это было на интуитивном уровне: просто нравилось, и всё тут.

Колька, пересмотрев мою коллекцию, спросил:

– Часто слушаешь?

Я утвердительно кивнул головой.

– А хочешь, я тебе пару пластов послушать принесу?

Ещё бы не хотел! Я снова качнул башкой:

– Какие?

Брат заговорщицки подмигнул:

– Узнаешь.

Выслушав мои страдания по поводу нежелания нашего радиоприёмника ловить зарубежные музыкальные станции, Колян «утешил»: «Слушай татарские». Потом взял в руки транзистор и начал инструктировать меня:

– Смотри, Юрка! – Я придвинулся ближе. – Вечером по пятницам, в 21:00, переключай диапазон на «Короткие вол-

ны». Находишь волну 19 метров, – брат проделывал все манипуляции перед моим носом, – И слушай! Только негромко. Лучше, чтобы отец не усёк.

Я удивлённо спросил:

– Почему?

– Ну... – Колька замялся, – думаю, это ему не понравится, если услышит.

– Да почему? – Мой интерес нарастал. Жаль, что в тот день был вторник.

– Отец такую музыку не слушает и вряд ли будет. Это «Голос Америки». – Брательник хитро посмотрел на меня, ожидая реакцию.

Никакой ответной реакции не последовало, ибо в тот момент я вообще не знал, что это за «Голос», чей он и откуда. Нет, Америку-то я, конечно, знал. Но она никак не ассоциировалась у меня с музыкой. Только с жестокими бледнолицыми и обиженными краснокожими, ну ещё с вечно угнетёнными неграми. Поэтому я переключил своё внимание на Колькино обещание принести пластинки:

– Коль, а Коль, когда принесёшь пластинки?

– После Нового года. На каникулах.

Глава шестая

В праздничной суете зимних каникул я совсем забыл про обещание брата. Тем более что, получив от родителей пять рублей за хорошую учёбу, я помчался в свой любимый магазин грампластинок. Долго перебирал большие диски-гиганты и наконец, остановил свой выбор на сборнике «Как прекрасен этот мир» какого-то Давида Тухманова. Причин было несколько. Первое – на пластинке было много исполнителей, в том числе ансамбль «Весёлые ребята» и Юрий Антонов. Второе – стоила она два рубля пятнадцать копеек, а не «два пятьдесят». За те же тридцать пять копеек можно было сходить в кино, тем более что в кинотеатрах шёл «Белый клык».

Дома я внимательно изучил конверт. Прочитал аннотацию про композитора Тухманова. Он был автором музыки всех песен. Ещё раз отметил про себя, что знаю такой ВИА, как «Весёлые ребята». Слышал и Антонова. Его песню «Для меня нет тебя прекрасней» пели пацаны в нашем дворе под гитару. Наконец, включил саму пластинку. Не знаю, как это получилось, но и тогда, и сегодня, когда я начинаю слушать песню, буквально несколько первых тактов мелодии, аранжировки, вокала дают мне чёткое понимание, нравится или нет. Это далеко не всегда хорошо и правильно. Но что есть, то есть. Пластинка, если честно, мне не очень понравилась. Слишком много там было «меди» и скрипок. От музыки за-

мечательного Давида Тухманова я был ещё очень далёк. Хорошую поэзию не понимал. Но вот припев «Как прекрасен этот мир – посмотри!» запал мне в душу, а в сочетании с мягким голосом Юрия Антонова – прямо скажем, зацепил. Только вот слишком длинное вступление песни, опять же на «струнных», утомило. И тут я в первый раз пожалел, что не умею играть на гитаре. Там не надо рассусоливать – заиграл, запел и порядок. Так что я благодарен именно той пластинке за моё первое желание соприкоснуться вплотную с гитарой. Вечером я попросил отца достать инструмент со шкафа, настроить его и показать мне пару аккордов. Папаня с удовольствием выполнил мою просьбу. Во время первого урока я, увидев, как легко батя перебирает струны и что-то там зажимает на грифе, самонадеянно решил, что вскорости дам свой сольный концерт перед одноклассниками. Глубокое двойное разочарование ждало меня впереди. Во-первых, когда я попытался что-то изобразить, струны отказались звенеть, а пальцы никак не могли сложиться в аккорд. Я понял, что всё не так просто и будущий концерт состоится ещё нескоро. Во-вторых, я-то не знал, что пацаны на улице играют на шестиструнных гитарах. Мой папаня лихо бацал на семиструнке. А там совершенно другой строй и совсем другие аккорды. Короче, я начал учиться играть так, как показал отец. Все зимние каникулы я сидел на кухне и мучил: себя, инструмент и маму. Ужасно болели пальцы. Слава Богу, что моё желание музицировать не подвигло родителей от-

дать меня в музыкальную школу! Видимо, им хватило баяна старшего брата. Это уже потом, будучи глубоко взрослым, я очень жалел и жалею, что не получил хотя бы начальное музыкальное образование.

В один из морозных дней пришёл Колька. Как и обещал, он принёс завёрнутые в газету «Вечерняя Казань» две долгоиграющие пластинки:

– Доставай проигрыватель!

Повторять дважды было не нужно. Наш старичок «Юбилейный» всегда был «готов к бою». Колян убрал газету и протянул мне пласты:

– На, смотри.

Я стал рассматривать принесённые братом диски. С одного на меня смотрели четыре лохматых парня. Всё было написано на английском языке. Какие-то слова я знал и сразу перевёл. Вот и название: «Rubber Soul – Резина и душа».

– «Резиновая душа», – поправил брат. Потом похвалил: – Молодец! В английском шарить. Это же The Beatles, Юраха! Это те самые «битлы»! Настоящие!

Я просто обалдел! Неужели у меня в руках настоящая иностранная пластинка, да ещё самих «битлов»?! Тех самых, которых я пару раз слышал у поляков по радио? Тех самых, именем которых иногда называл нестриженных парней мой папаня: «Вот, смотри, пошли лохматые битласы». Да, это был диск-гигант «ливерпульской четвёрки» 1965 года. Выпущен компанией Polydor. Конечно, тогда мне было всё рав-

но: «Полидор» или «Помидор», Англия или Польша. Я понятия не имел, что группа The Beatles к тому времени уже развалилась. Именно в тот день я впервые узнал от брата о существовании на планете Земля Джона Леннона и Пола Маккартни. А больше я не знал ни-че-го! Но тогда, в январе 1976 года, когда игла нашего древнего проигрывателя коснулась пластинки, я, тринадцатилетний пацан, «утонул». Я захлебнулся в своих эмоциях. Вот! Да, вот что я хотел слушать и слушать! Какие непривычные для уха фантастические мелодии! «Norwegian Wood», «Michelle»... А «Girl»!!! Эту песню я уже слышал во дворе! Её пел Серый из соседнего подъезда. Только на русском языке. (Чёрт! Надо срочно учиться играть!) И главное, никаких труб и скрипок! Только гитары и барабаны. Вот это была «бомба»! Я заразился. Заразился на всю жизнь болезнью под названием «битломания».

Вторая пластинка уже не произвела на меня такое космическое впечатление, как первая. На обложке были какая-то девушка в чёрной куртке и лохматый парень с бутылкой. Я попытался перевести название, но не смог. Колян пояснил:

– Это имя и фамилия: Suzi Qvatro. Настоящий рок! Слушай!

Первая песня альбома мне очень понравилась – «48 crash». Гитары звучали по-новому, с непривычным для уха дребезжанием.

– Это фуз, – пояснил Колька. Он подумал, что объяснил, а мне это слово напомнило только собачью команду.

Солистка пела – как будто кричала. К концу прослушивания альбома её голос меня утомил. Нет, это не «Битлз». Вот «Битлз» – это да! Но конверт я изучил так же внимательно:

– Коль, а ты сегодня заберёшь пласты?

– Конечно! Это ж «фирма»!

Хорошо, что в нашем семейном фотоаппарате «Зенит» была плёнка. Брат сделал несколько кадров пластинок. Когда он их уносил, я чуть не плакал, думая, что таких дисков у меня не будет никогда. Николай поведал мне, что купить их можно только «из-под полы» и за очень большие деньги. Оставалось одно – скорее учиться играть на гитаре и самому их петь.

Глава седьмая

Теперь при посещении магазина «Мелодия» я всё чаще смотрел в сторону пластинок с зарубежными исполнителями. Обычно они покупались мною наугад. Даже не могу сегодня зацепиться памятью за то, как и что определяло мой выбор. Если на конверте долгоиграющей большой пластинки ещё можно было прочесть какую-то информацию, то на маленьких, кроме названия коллектива и песен, ничего не писали. Денег на гиганты, как правило, не было. Тем более что стоили они до четырёх рублей. Весьма серьёзные деньги в то время. А вот миньоны – пластиночки, на которых было всего две-четыре песни, – я приобретал частенько. Можно было купить их от семидесяти копеек до полутора рублей. Экономил я на карманных расходах, да бабуля периодически баловала. Но такая покупка почти всегда была настоящим «котом в мешке».

Однажды по такому принципу я прикупил и притащил домой пластиночку, на которой было четыре песни. Называлась она очень странно: «Певцы Леса Хамфри». Я долго размышлял в магазине, что это за лес такой, где водятся эти певцы: хвойный или дубовый? К моему удивлению, песни были классные. А две из них сразу попали на верхние строчки моего личного хит-парада: заводная «Мексика» и очень необычная «Скажи мне, почему?», то бишь «Tell my why?»

Почему эта композиция показалась мне интересной? Потому, что она была в разных темпах: медленный куплет и быстрый ритмичный припев. Я заслушал эту песню до того, что на слух выучил все слова и, абсолютно точно попадая в фонограмму, пел её вместе с пластинкой. Сейчас поверить не могу, что до юношеской ломки у меня был такой высокий голос. Мне тогда казалось, что пою я вместе с «лесными братьями» просто классно. Пару раз меня похвалили родители. А вскоре попросили спеть, вернее, изобразить этот номер перед многочисленной роднёй за очередным праздничным столом. Мои драматические страдания в куплете, пританцовывание в припеве, а главное, точное попадание в фонограмму привели зрителей в экстаз. Батя, увидев такой головокружительный успех, решил повторить номер перед своими товарищами по работе, которые собрались в нашем доме отметить очередную годовщину Великого Октября. Когда началась песня и я, уже почти профессионально, вошёл в роль «лесного певца», папаня, неожиданно для меня, полностью убрал звук проигрывателя. Видимо, он посчитал, что я пою лучше хора на пластинке. Мой ломающийся высокий голосок остался без мощной поддержки, и я, в конфузе прокукарекав ещё пару слов, с позором умчался из комнаты. Уже тогда я понял, что с фонограммой шутки плохи: можно запросто «обосраться» перед зрителями. На отца я дулся недолго. Подставил он меня не нарочно, а искренне считая, что его младший сын уже готовый артист. Воспользовавшись изви-

нениями и похвалами, я стал ныть, что пора приобрести новый, более современный проигрыватель. Результатом моих страданий стал деревянный раскладной «Аккорд-203». Колонку с динамиком можно было поставить в любое место на расстоянии длины провода. Чемоданчик «Юбилейный» закончил свою карьеру в нашем доме.

В мае 1976 года, перед своим четырнадцатым днём рождения, я снова отправился в любимый магазин. Как всегда, внимательно перебирал столь доступные для меня миньоны. В какой-то момент я лишился дара речи и не поверил своим глазам: «Любовь нельзя купить». «Серебряный молоток». А внизу в скобочках: «Дж. Леннон и П. Маккартни». Ещё ниже: «Вокально-инструментальный ансамбль». Без названия. Но я-то знал, что это за вокально-инструментальный ансамбль! На другой стороне: «Мадонна». «Я должен знать лучше». И опять, опять в скобочках: Офигеть – Дж. Леннон! И – упасть, не встать! – П. Маккартни. Они самые! «Битлы»! Я летел домой с чувством восторга и страха. Мне казалось, что кто-то может отнять у меня столь бесценную вещь. Конечно, по большому счёту, тогда очень немногим были нужны эти самые «битласы». Но я считал по-другому: такая музыка не может не нравиться. Дома прослушал пластинку раз десять без перерыва. Кое-что из английского текста пытался уловить и перевести, но в целом, мне было неважно, о чём песня. Нравилось, и всё тут! А буквально через месяц я опять купил маленькую пластинку. На ней уже чётко было

написано: «БИТЛЗ. Вокально-инструментальный ансамбль. Англия». На этом миньоне было три песни. Одна из них – «Пусть будет так» (знаменитая «Let it be») – стала любимой навсегда. Итак, в моей коллекции уже семь композиций The Beatles. Эти пластинки до сих пор стоят у меня дома на видном месте. А тогда я одновременно радовался и огорчался. Это сегодня у меня десятки книг об истории группы и всех её участниках. Сотни фотографий. Все музыкальные альбомы. Это сегодня можно за минуту в интернете получить любую информацию о ком или о чём хочешь. А тогда, в 1976-м, просто иметь перепечатанную бессчётное количество раз фотографию любимого тобой ансамбля или исполнителя было счастьем. Узнать, где и как образовался тот или иной коллектив, кто его участники, какие альбомы выпущены, было практически нереально. Крупицами каких-то переведённых аннотаций с дисков, переписанными от руки статьями из иностранных журналов, обрывками рассказов из «Голоса Америки» и «Свободы» мы делились друг с другом. Конечно, далеко не все. Только те, кто «подсел» на такую музыку. У большинства моих одноклассников и в мыслях не было ничего подобного.

Глава восьмая

Летом 1976-го я впервые поехал в спортивный лагерь вместе с друзьями-баскетболистами. Мне четырнадцать. Закончил семь классов. Скоро вступать в комсомол. Короче, взрослый пацан. Без иронии. Не хочу обидеть нынешнее поколение четырнадцатилетних, но разница между мной тогда и моим внуком сегодня в отношении и приспособленности к жизни колоссальная! Я не хочу рассуждать на тему «кто лучше, а кто хуже». Просто мы очень-очень разные. Для них мы – древние динозавры, для нас они – беспомощные дети «Тик-Тока». Уверен только в одном: нам, тогдашним, – оценка «пять» на жизненном экзамене по выживаемости в любых условиях, им сегодняшним – «два».

В нашем спортивном лагере на берегу Камского моря около районного центра Лаишево были не только баскетболисты. Ещё были футболисты, легкоатлеты и лыжники. Команды разных возрастов. Мальчишки и девчонки. Парни и девушки. Только у футболистов не было своих девчонок. Они постоянно клеились к представительницам других видов спорта. Это вызывало неспортивные конфликты. Особенно на вечерних танцах. Хорошо, что наши девушки были на голову выше ровесников из футбольной команды. Мы были относительно спокойны и особо не беспокоясь, прижимались к своим на медленных песнях. Тем более что и на

соревнования в другие города уже давно ездили вместе с командой девочек. Возникали взаимные симпатии. Девушки наши были рослые, по-женски оформившиеся, поэтому танцевальные прижималки очень возбуждали. Но воспитаны мы были строгими родителями и советской школой, ни о чём эдаком взрослом пока не думали и на капли в трусах не обращали внимания.

В каждой команде, а по-пионерски – в каждом отряде, была гитара. Я к тому времени уже переучился на «шестиструнку» и умел играть пяток песен. Почему-то первой из выученных мной стала песня «Весёлых ребят» «Был ещё недавно я любим и мил, отчего внезапно изменился мир...». А ещё я пел на английском, как мне казалось, языке «битловскую» «Гёрл». Почему казалось? Потому что настоящих слов я не знал. Записывал на слух с пластинки. Да ещё повторное изучение языка с пятого класса сыграло не самую положительную роль. Я просто-напросто остановился в развитии своего английского. Оставались только супертвёрдая «пятёрка» в четверти и «манчестерский» акцент. Вот он и выручал, когда я пел «Гёрл». Наши девушки млели, а я чувствовал себя Полом Маккартни. Уверен, что в музицировании, в пении очень важно внимание противоположного пола. Так сказать, стимулирует и подталкивает к творчеству. Ну, возможно, это только моё личное, субъективное мнение.

На эту «Гёрл» на «английском» языке обратил внимание парень из старшей группы легкоатлетов. В свою очередь, на

него обращали внимание все в лагере без исключения. Ещё бы! У него были не только настоящие американские джинсы, но и – мама дорогая – джинсовая куртка! А ещё... господи! Ещё у него была футболка с иностранной надписью и картинкой. В то время это был верх крутизны. Запредельная высота! О таком комплекте подавляющее большинство моих сверстников из обычных семей не смели даже мечтать. А что мечтать-то, если всё равно не сбудется? И никакой Дед Мороз не поможет. Прикиньте, джинсы фирмы Wrangler, или Lewis, или те же Lee стоили в среднем 200 рублей. Столько же или чуть дороже – джинсовая куртка. В сумме – под пятьсот рублей. Мой отец, который работал в тот момент в Казанском горисполкоме, получал 180 рублей в месяц. Обычный инженер на заводе – 120 рублей. Поэтому 99 % родителей не могли себе позволить даже намекать своим детям на возможность такой покупки.

А у Сани Плотникова – так звали парня – всё было. Дело в том, что его родители работали в Африке. Мне было трудно понять и сопоставить: почему в нашей самой лучшей стране мира – Советском Союзе – джинсы стоили так дорого и их было не достать, а в нишей «чёрной» Африке, видимо, очень дёшево и запросто? Но мои раздумья о нелёгкой судьбе джинсов в СССР отошли на двадцать четвёртый план, когда Александр сообщил, что у него есть полсотни фирменных пластов. Ещё у него есть бобинный магнитофон и куча «катушек» с концертами самых крутых рок-групп. Ко-

гда он начал их перечислять, меня прибил «столбняк». Передо мной сидел воистину «арабский шейх» западной музыки. Я в первый раз услышал названия таких групп, как Deep Purple, Slade, Sweet, Kiss, Led Zeppelin и многих других, самых популярных в те годы. Саня похвалил меня за интерес к такой музыке и за то, что пытаюсь петь на языке оригинала. Пообещал рассказать мне о крутых командах, типа Black Sabbath. Я смотрел ему в рот, не перебивая, в надежде не спугнуть такой порыв моего нового друга-«-шейха». Только одна ремарка огорчила меня: на мою просьбу рассказать что-нибудь о «Битлз» он поморщился и назвал моих ливерпульцев «сладкой эстрадой». Бегун на длинные дистанции Александр Плотников любил тяжёлый рок. Не только любил, но и являлся пропагандистом своего увлечения.

Как-то во время обеда Саша объявил всем, что вечером у нас будет «тематическая дискотека». Понятие и слово «дискотека» только-только входило в наш лексикон. Оно потихоньку вытесняло более привычные нам «танцы», но вплотную ассоциировалось именно с вечерними «прижималками». Поэтому спортивный народ не особо удивился и, как обычно, после ужина собрался на площадке потанцевать. Каково же было наше изумление, когда Плотников предложил нам рассестись по лавкам! На столе стоял магнитофон «Комета-212». Рядом – десяток бобин. Александр объявил, что хочет познакомить нас с классной музыкой и рассказать о некоторых рок-группах. Со стороны футболистов сразу раз-

дались «радостные» голоса:

– А танцы когда? Что за хрень?

Не обращая внимания на недовольный гул, Саня заправлял ленту в магнитофон. Потом торжественно объявил:

– Народ! Хорош орать! Слушаем «Пинк Флойд». Альбом называется «The Dark Side of the Moon» – «Обратная сторона Луны».

По «интеллектуальным» лицам лыжниц стало понятно, что они все как одна «фанатки» этой английской группы и просто в «восторге». После тяжёлых тренировок на жаре именно «Пинк Флойд» гармонично заканчивал их трудный день. Поэтому их голоса влились в протестный хор футболистов:

– Эй, Плотник, ты чё, офигел, што ли? Какая нахрен «Луна»? Антонова давай!!!

Саша включил тумблер. Звука для улицы у «Кометы» было явно маловато. Когда вместо музыки все услышали сначала стук сердца, а потом работу какого-то станка (а именно так начинается первая композиция альбома – «Speak To Me»), к футболистам и лыжницам присоединились все остальные:

– Плотник, ты чё, издеваешься, что ли? Щас твой магнитофон тебе в одно место засунем!

По-моему, не орали только мы с Толяном Семёновым. Понимая, что сейчас его будут бить, Саня выключил свою технику и в сердцах прокричал:

– Дебилы! Идите дёргайтесь на свои танцы!

А потом уже мне:

– Юрка, пойдём в столовую! Послушаешь настоящую музыку!

Честно признаться, мне бы тоже хотелось «потискать» Людку Капич в суровом «медляке», но тогда бы я навсегда потерял дружбу моего «музыкального гуру». Поэтому, зацепив под руку своего другана Толика, я откликнулся на зов старшего товарища.

В пустой столовой процесс включения магнитофона повторился. Звука на троих хватало. Но, с моей точки зрения, Саша сделал большую ошибку, начав свою «тематическую дискотеку» с «Пинк Флойда». Знакомство с творчеством этой великой группы надо начинать, когда уже плотно «подсел» на рокеш-ник. Мы с Толяном с трудом выдержали одну сторону бобины. Хорошо хоть, что «учитель», параллельно с прослушиванием песен, рассказывал нам о Роджере Уотерсе и других музыкантах коллектива. А потом настал момент, когда Александр поставил на «Комету» другую плёнку. И я вместе с этой кометой «улетел». Deep Purple. «Machine Head». Альбом 1972 года. Совсем другая музыка. Резкая. Динамичная. С потрясающими гитарными рифами. С «космическим» соло Блэкмора. С продирающим вокалом Гиллана. Это была любовь с первого... звука.

С этой любовью я живу всю жизнь. И умрём мы в один день.

Глава девятая

Итак, после двух месяцев первого спортивного лагеря в моей жизни я возвратился домой не только загоревшим и повзрослевшим. Не только набравшим неплохую форму баскетболистом. Вернулся с солидным багажом музыкального материала в голове и большой мечтой играть. И не только в баскетбол. Я хотел хорошо играть на гитаре. Играть в вокально-инструментальном ансамбле или – что уж там греха таить – в рок-группе. Петь офигенные песни на сцене. Такая же «заноза» сидела и в моём друге Толяне. Только его «голубой мечтой» была перламутровая ударная установка с кучей барабанов и тарелок. В лагере мы часто музицировали вместе: я рвал струны на нашей отрядной раздолбанной гитаре, а он стучал палками по всему, что издавало хоть какой-нибудь ответный звук. Короче, нашей общей идеей стало создание своего ансамбля.

Но в первую очередь мне надо было во что бы то ни стало «раскрутить» родителей на катушечный магнитофон. Сая пообещал в любой момент дать переписать все его бобины. А это в то время было просто невероятной удачей! Глянув в магазине на стоимосты выстроившихся в ряд «Сатурнов», «Юпитеров», «Орбит», «Комет» и других советских магнитофонов, я понял, что и цены у них под стать названиям – космические. Только одна моноприставка без своего

усилителя и динамиков – «Нота 303» – стоила меньше ста рублей. Учитывая, что у нас дома был проигрыватель «Аккорд», к которому можно было присоединить эту «Ноту», я решил начать канючить перед родителями в этом направлении. Первые мои ахи и вздохи были категорически не услышаны, а пламенные комсомольские убеждения в необходимости такой покупки просто проигнорированы. Мы собирались переезжать в новую трёхкомнатную квартиру на улице Юго-Западной, и мама предъявила мне список вещей, которые необходимо купить. Магнитофона «Нота 303» не было там даже на триста тридцатом месте. Любовью Петровной было рекомендовано не тратить карманные деньги на пластинки, а копить на этот самый магнитофон. Даже при самых оптимистических расчётах было понятно, что накоплю такую сумму как раз к окончанию школы. То есть ни новых пластинок, ни крутящихся заманчиво бобин у меня не будет года три. Я погрузился в глубокую нечеловеческую печаль. Успеваемость в школе понизилась. Попадать мячом в кольцо на тренировках стал реже. Видя мою кислую физиономию, Людка Капич перестала разрешать притрагиваться к её груди. Вот-вот, и чёрная депрессия накрыла бы меня с головой. Но! Но ведь в Казани жила моя бабушка. А вместе с ней – моя любимая тётя Лида, у которой жених погиб на войне. Она так и не вышла замуж, не родила детей. Всю свою любовь она отдавала племянникам, то бишь мне и моему двоюродному брату Андрюшке. Увидев меня печальным,

как Алёнушка на картине Васнецова, бабуля и тётушка сначала испугались, а потом посмеялись над моими горестями. Чтобы возродить во мне желание жить, пообещали к Новому году сюрприз. Я тут же воспрял духом. Успеваемость улучшилась. Тренер хвалил. А к Людке больше не прикасался. Больно очень надо! Найду и получше. А уж когда сделаем свою группу с Толиком, то вообще... Что «вообще», не представлял, но внутренним чувством ожидал чего-то очень приятного.

Дед Мороз в лице моих родных не обманул: 1 января я с умилением смотрел на зелёный индикатор записи нового магнитофона. В комплекте «Ноты» была одна маленькая бобина с советской эстрадой. Не надо было иметь много ума, чтобы засунуть штекер в гнездо проигрывателя. Запустил машину. Запел Муслим Магомаев. Ну ничего, скоро появятся у меня и Пол Маккартни, и Элтон Джон! Радость от подарка чуточку омрачали родительские упрёки:

– Юрка! Тебе не стыдно? Это дорогая вещь! А ты, такой-сякой, у бабушки-пенсионерки выклянчил!

Мне, конечно, было стыдно. Но не очень. Чуточку. Муслим Магомаев перепевал мой стыд напрочь. Я был просто счастлив.

Однако, статья моих, вернее – родительских расходов увеличилась. Надо было купить катушки с лентой для записи. Стоили они недёшево. В зависимости от размера бобины: 375 или 525 метров плёнки. Моя «Нота» была малень-

кой и большие катушки не принимала. Так что мне нечего было нервничать по поводу размера. Переживал только от постоянной нехватки финансов. И тут повезло так повезло! Ну, и родителям тоже. Объясню почему. Батя к тому времени возглавил отдел пассажирского транспорта Казани в горисполкоме. Он отвечал за работу автобусов, троллейбусов и трамваев столицы Татарии. Как-то папаня притащил домой большую коробку со словами:

– Сын, возьми! Это тебе. Открывай.

Когда я увидел содержимое неожиданного подарка, то заорал от радости. Двадцать бобин с магнитной лентой! Просто чудо какое-то! Отец пояснил:

– Так эту плёнку делают в Казани. Завод «Тасма». Я сегодня там был. Новый маршрут автобуса открыл. Вот мне директор завода и подарил в благодарность.

Я готов был станцевать для папани его любимую лезгинку с приземлением на колени. Но родитель меня остановил, пожалев соседей снизу. Тогда я предложил показать свой танец доброму директору завода «Тасма». Батя сказал, что не надо, ибо нового автобусного маршрута будет достаточно. Почему повезло и родителям? Так я ж почти год не тревожил их нытьём по поводу покупки новой катушки!

Саша Плотников не обманул. В одно из воскресений, с раннего утра до позднего вечера, я переписывал у него музыку. Теперь в моей личной коллекции появились записи Nazareth и Uriah Heep, Queen и Wings, и ещё десятка са-

мых крутых групп того времени. И, конечно, любимый Deer Purple.

Теперь к моим юношеским интересам и увлечениям добавилось ещё одно: «снимать» с плёнки особо понравившиеся песни или их фрагменты. То есть, сидя у магнитофона, подбирать их на гитаре. И безумно радоваться, когда это получалось. Свободного времени у меня было не так много. Учёба и спорт занимали практически полный день. Кроме того, я очень любил читать. Конан Дойл и Жюль Верн, Фенимор Купер и Александр Дюма, Беляев и Стругацкие были читаны-перечитаны мною по несколько раз. Но для гитары, пластинок и бобин тоже находилось время. Вечерами или в выходные дни я «изводил» родителей потугами «снять» знаменитое соло из «Highway Star», рифовый ход из «Black Night» или «Maybe I.m A Leo». Чтобы это сделать, приходилось перематывать плёнку туда-сюда десятки раз. Наушников у меня не было. Мама, завязав голову полотенцем и глядя безумным взглядом куда-то вдаль, жарила котлеты на кухне. Отец, автоматически напевая «Smoke on the Water», ненавидел всех «битласов» планеты и безнадежно мечтал посадить их в казанский трамвай и отправить по самому длинному маршруту. Только брательник с удовольствием слушал мои «виртуозные» пассажи. Надо отдать должное родителям за то, что они очень терпеливо переносили эти страдания, никоим образом не запрещая заниматься тем, что мне так нравилось.

И только путь к исполнению ещё одной мечты пока оставался закрытым. Мы с верным соратником и другом Толей Семёновым не могли найти никаких вариантов оказаться в составе какого-нибудь ВИА. В нашей школе ни ансамбля, ни звуковой аппаратуры не было, не говоря уже об электрогитарах и барабанах. Поэтому оставалось собираться у него или у меня дома и, включив магнитофон, играть в составе Sweet или Uriah Heep. Благо у Толяна тоже появился «бобинник», а записи у нас были одинаковые. Из суперзвёздных составов нас никто не выгонял. На сложные композиции типа «July morning» нашего мастерства явно не хватало, а вот «Lady in Black» играли и пели прямо как «Хипы». Ну, или почти. Правда, были ещё технические причины некоторых наших страданий. Хоть убей, нужен был другой звук гитары. Не акустический, а электрический. Да ещё с этим... как там его – фузом. На горизонте моих желаний появился звукосниматель для простой гитары. Стоил он 9 рублей. К родителям обращаться было бесполезно, а к бабуле с тётушкой – равнато. Оставалось ждать только какого-то чуда. И мечтать. Чем мы с другом и занимались, рассматривая десяток фотографий наших лохматых кумиров и слушая их музыку.

Глава десятая

В восьмом классе стало понятно, что баскетбол – это серьёзно. Тренировки были почти каждый день, соревнования – чуть ли не каждый месяц. Тренеру с трудом удавалось договариваться с нашими учителями в «двадцатой» школе о том, чтобы нас с Толяном не «гнобили» по учёбе за пропуски. Мы вступили в комсомол. Это было так же естественно в нашей стране, как забить мяч со штрафного в баскетболе. Мы старались не набирать «хвостов» по алгебре и русскому и пытались жить интересами своих одноклассников. Получалось это с большим трудом. Или не получалось вовсе. Нас называли:

– Слатов и Семёнов – спортсмены лохматые. Их нет никогда. Они или на соревнованиях, или чё-то там бренчат.

Да, мы с Толяном малость отрастили волосы. Конечно, не так, как у Ричи Блэкмора или Яна Пейса из «Паплов». Но выручало то, что тогда это была общая мода: парни не любил стричься. Да, частенько бывали в разъездах. Но нам твердили, что мы защищаем честь родной Татарии в спорте. Продолжали любить музыку другого формата. Но, не всем же должны нравиться Алла Пугачёва и Иосиф Кобзон. Короче, когда нам объявили, что в девятый класс мы переходим в другую школу, да ещё вместе со всей командой, ликованию не было предела. А мне повезло дважды: наша новая квар-

тира находилась в доме напротив школы № 55. Именно там был создан первый в Республике специализированный баскетбольный класс.

Всё лето 77-го мы опять провели в спортивном лагере. Зная, что теперь и учиться будем в одном классе, практически породнились. И пацаны, и девчонки. Нам уже по пятнадцать. С нашей точки зрения – вполне взрослые люди. В лагере всё как обычно: подъём – завтрак, тренировка – обед, отдых – тренировка, ужин – танцы. Или теперь по-новому – дискотека. Лица всё те же. Тренер тот же – Юрий Владимирович. Гитара – та же. В ещё большем почёте. Вот только музыка не стояла на месте. Теперь на танцевальных вечеринках наш доморощенный диск-жокей из футбольной команды «Рубин» расставлял песни по очереди: одну – на русском языке, следующую – на «ненашенском». «Поющие сердца» сменяли Boney M, «Добры молодцы» – Bee Gees и так далее. Мы уже знали и любили «АББУ», Донну Саммер и Рода Стюарта. Балдели от Smokie и «Цветов», «Синей птицы» и «Чингиз Хана». Стремительно наступала эпоха «диско» и танцевальной музыки. Тяжёлый рок нравился далеко не всем. Он оставался нам с Толяном на десерт. Признаться, я тоже не заикливался только на этом направлении. С удовольствием слушал Элтона Джона, просто балдел от кантри Eagles, глубоко симпатизировал итальянской эстраде.

К лету я умел играть сотню самых популярных песен того времени. И тех, что звучали с пластинок, и тех, что пели во

дворе. Хитами сезона стали «Звёздочка моя ясная» и «Тыща лошадей – подков четыре тыщи». Первую знают и поют до сих пор. Вторую уже давно не слышно. Это рассказ об утонувших лошадях. Их перевозил корабль, который подорвался на mine. Грустная баллада с хорошей мелодией. Пел я её громко и отчаянно. Коней было искренне жаль. Слушателям, в своём большинстве девчонкам, было жаль страдающего певца, то бишь меня. А как известно, где женщина жалеет, там и... разрешает покрепче прижаться к телу во время медленного танца. Поэтому лошадкам – низкий пацанский поклон. Из импортного выучил знаменитые «Отель Калифорния» «Орлов» и «Беладонну» группы UFO. Последнюю горланил не хуже вокалиста Фила Могга. Позднее эту песню пел на русском языке Александр Барыкин с «Весёлыми ребятами». Это доказывает то, что вкус у меня был неплохой.

Лагерное спортивное лето знаменательно тем, что именно тогда я написал свою первую самостоятельную песню. Уж не помню конкретный повод или причину для сего действия, но хорошо помню первый куплет и припев своего дебютного «сингла»:

Девчонку однажды увидел у дома —
Глаза, как весеннее небо, бездонны,
Но только хотел я ей слово сказать,
Она, словно в сказке, исчезла опять.

Припевчик был в другом темпе, прямо как у «Певцов Леса

Хамфри»:

Ну не везёт – Судьбы игра.
Девчонка вышла со двора,
А я опять один стою,
Чего-то жду.

Судя по теме и коварному замыслу, песня должна была помочь охмурить Маринку Десятых из команды девчонок 61-го года рождения. Училась она на класс старше и была первой красавицей нашего летнего сбора. Мне казалось, что печальные слова «а я опять один стою» должны были тронуть её нежное девичье сердце, спрятанное за шикарной грудью. Но то ли романтики в Маринке было не так много, чтобы оценить мои лирические страдания, то ли разница в один год была для нас тогда очень существенной... в общем, спецоперация провалилась. Песня моя осталась незамеченной. Кроме того, я никому не сказал тогда, что написал её сам. Через несколько лет, в военном училище, мы будем её петь на танцах в нашем Новосибирском ГОКе. Но до этого события ещё целых три года.

А пока – новая школа. Переходный возраст. Ломающийся голос. Половое созревание. Прыщи на роже. Споры с родителями. Всё как у всех.

Теперь с друзьями и подругами по спорту мы почти не расставались. В школу в 7:30 – на зарядку, потом завтрак и за парту. Тридцать молодых, запотевших от утренней на-

грузки юношей и девушек сводили с ума наших педагогов. И не только запахом пота. Раньше мы встречались только на тренировках и не представляли, кто как учится. Оказалось, что у всех ну очень разная учебная база в голове. Поэтому и в этом направлении учителя были на грани сердечного приступа. Ко всему прочему, в наш баскетбольный коллектив перевели несколько учеников 55-й школы, которые продолжили учёбу после восьмого класса, но никакого отношения к спорту не имели. Этим девчонок и ребят учителя знали давно и, конечно, выделяли во всех отношениях. Короче, получился «весёлый и пахучий» 9-В. С утра до позднего вечера мы были в школе: учились и тренировались. Зато на соревнования уезжали практически всем классом. С учёбой у меня проблем не было. Очень любил историю и литературу. С английским языком всегда был на «ты». Типичный гуманитарий.

Глава одиннадцатая

Наша с Толиком мечта – играть в ансамбле – никак не рас-сасывалась. Мы упорно искали способы её осуществления. Казалось, что как только у нас появятся электрогитары, ба-рабаны и пара усилителей с колонками, «лёд тронется» и мы превратимся в настоящих «битласов».

Надо отметить, что тогда, в нашей советской школе, осо-бую роль в общественной жизни играл комсомол. Разные со-ревнования и конкурсы между классами и школами, концер-ты художественной самодеятельности, олимпиады и «олим-пийские игры» по всем видам спорта и знаний проходили постоянно. Все мы были комсомольцами и поэтому, хочешь не хочешь, во всех этих мероприятиях участвовали. Не уди-вительно, что наша «пятьдесят пятая» стала непобедимым чемпионом города по баскетболу. К радости директора – на-родного учителя СССР Анаса Салаховича Салахова. Но мы хотели радовать наших учителей не только спортивными до-стижениями. Молодая энергия била через край. Созреваю-щие гормоны не давали сидеть на месте.

Как-то раз классная руководительница объявила нам, что в школе будет проводиться конкурс политической песни, посвящённый героической Кубе, её революции и вождю – дорогому товарищу Фиделю Кастро. Все девятые и деся-тые классы готовят номера, а победитель будет представлять

школу на районном смотре. Всё, что касалось музыкальной направленности, всегда вызывало у меня трепетный интерес. Учитывая, что в классе только я один умел играть на гитаре, моё участие даже не обсуждалось. Верный Толян тут же согласился постучать на чём придётся. Решили, что в качестве барабана возьмём вторую гитару у Игоря Пушкина. Хоть он играть на ней не умел, пришлось брать и его, как хозяина инструмента. Итак, с аккомпанементом решили. Три пацана есть. Оставалось набрать девчонок-«кубинок», так сказать, солисток, и найти песню. «Певиц» пригласил не по вокальным данным, а по внешним – все аппетитные красотишки. Пять: Светка, Людка, Маринка, Аська и Валюха Страхова. Вечером я тщетно пытался найти в своих пластинках хоть что-то, отдалённо напоминающее революционные напевы острова Свободы. Когда отчаяние от бесполезности поисков уже толкало меня уехать на Кубу и упасть в ноги к самому Фиделю, вдруг башку осенило, и я решил написать песню сам. К удивлению, очень быстро набросал текст и музыку. И снова меня потянуло к разнотемповому варианту. Видимо, «Скажи мне, почему?» Леса Хамфри намертво засело во мне. Но как бы то ни было, на следующий день я показал свою композицию только-только созданному вокальному ансамблю 9-го В и получил восторженное одобрение. Когда песня победила на школьном, а потом и на районном конкурсе, я понял, что до славы моего кумира Пола Маккартни не так уж и далеко. Наш коллектив стали командировать с

этим номером на все концерты, проводимые Районным отделом образования. Да чего уж скрывать-то – и гороно тоже не оставался в стороне. О райкоме ВЛКСМ и говорить не надо! Мы получали благодарности и грамоты. Тренер злился, а завуч школы была на седьмом небе от счастья. И однажды, случайно, после концерта в Доме культуры им. В. И. Ленина Соцгородка проговорилась, что в маленькой комнате за сценой в актовом зале хранится никому не нужная аппаратура для школьного ВИА. По нам с Толиком Семёновым словно ударило молнией. На наш вопрос: «А можно хоть краем глаза взглянуть на это сокровище?» завуч, как добрая фея, ответила: «Вам, чемпионам, конечно, можно. Завтра зайдите за ключом». Мы обнялись и зарыдали от счастья. Хотелось написать письмо Фиделю Кастро и всему кубинскому народу с благодарностью за такой подарок. Тут же стали фантазировать о том, какие классные инструменты ждут нас в этой комнатке и какие перламутровые замечательные барабаны соскучились по Толянцу. О том, что скоро мы выйдем на сцену нашей школы, сыграем и споём «Хоп, хей хоп» из Wings или, на худой случай, «Дитя во времени» Deep Purple, и офигевшие от восторга одноклассники разорвут нас на части.

Ночью не спалось. Под утро, когда уже не оставалось сил бороться со сном и временем, которое, казалось, остановилось, впал в тяжёлое забытьё. Казалось, что страшный Джин Симмонс из Kiss со своим длинным языком тянет ко мне руки и зовёт в актовый зал школы № 55. На утренней зарядке

мы с Толькой напрочь забыли про баскетбол, за что получили втык от Второва. Но это было такой мелочью по сравнению с тем, что через час или два перед нами откроется пещера Али-Бабы и мы станем настоящими музыкантами.

Наша строгая завуч своё обещание сдержала и лично повела нас после шестого урока в актальный зал. Мы и не знали, что в уголке сцены, за старым пианино была дверь. Когда «фея» щёлкнула замком и нырнула в темноту, мы с Семёновым замерли. Зажёгся свет. Послышались недовольные восклицания:

– Вот помойка! Хоть бы кто порядок навёл!

Слово «помойка» никак не ассоциировалось у нас с Толяном с тем сокровищем, что сейчас откроется нам. В нетерпении мы ждали приглашения. Оно не заставило себя ждать:

– Ребята! Ну где вы? Заходите!

Чуть не застрыв в дверном проёме, мы втиснулись в каморку. Казалось, что дыхание перехватило от желания увидеть настоящие электрические гитары, ударную установку, колонки и усилители. Завуч, не обращая внимания на наши изумлённые лица, сунула мне в руку ключ и на ходу пояснила:

– Разбирайтесь сами. Я в этом ничего не понимаю.

Глаза округлились, когда мы увидели кучу какого-тохлама под названием «аппаратура для ВИА». В углу стояли две электрогитары без струн. На гвозде одиноко висела тарелка от ударной установки. Под ней, на полу, сиротливо прижа-

лась к педальке от большого барабана. Кроме этого, были пара кинаповских колонок, усилитель Ум 50 и привязанный к швабре микрофон. Всё остальное представляло собой мусор, оставшийся от каких-то представлений на школьной сцене. Разочарование было таким сильным, что мы с Семёновым молча сели на стулья и тихо всплакнули. Когда первый шок от встречи с «сокровищами» прошёл, стали рассматривать то немногое, что осталось от бывших музыкантов. Ладно, хоть есть настоящие электрогитары. Бас и ритм. Фирмы «Аэлита». Ничего, струны купим. Тарелка с клеймом – «Цена 12 рублей». Звук от неё был ужасным, но настоящим. Не то что грохот крышки от большой кастрюли, которую добрый сынок Анатолий утащил у мамы и долбил по ней, унижая саунд Deep Purple. Далее была педаль с колодушкой, которую Толян видел в первый раз в жизни и сразу примерил к какой-то картонной коробке. Мой друг вселил в меня долю оптимизма, когда, испробовав свои штучки, мудро изрёк:

– Ну ладненько. Ничего. Возьмём в «пионерской» пару барабанов, и можно играть.

Чего-чего, а пионерских барабанов в школе было навалом. Ими заведовала очень симпатичная главная пионервожатая Светлана. Она нам точно не откажет.

К швабре изолентой был примотан микрофон МД-200 с болтающимся полуметровым шнурком. Я ещё подумал: как можно петь-то так близко к усилителю? Ладно, разбе-

рёмся. Из так называемых «музыкальных инструментов» – всё.

Усилитель УМ-50А впечатлял своим весом и железной мощностью. Жаль, что мощь эта была только во внешнем виде, а не в громкости звука. Сегодня 50 Ватт выдаст любая «детская» колонка. Но тогда, в 77-м, нам показалось, что это была настоящая «моща́». Когда подсоединили к усилителю кинаповскую колонку, воткнули в панель микрофон, а вилку в розетку, щёлкнули тумблером и увидели разгорающийся «зелёный глаз» железного «дракона», мы с Толькой заорали от восторга битловскую «Help!». Мы стали настоящим вокально-инструментальным ансамблем школы № 55 города Казани.

Глава двенадцатая

Последние два года учёбы в средней школе были перенасыщены всевозможными чемпионатами, тренировками, музыкой, какими-то КВНами, мероприятиями, первыми любовями и ещё много чем интересным и не очень, чего сейчас и не вспомнишь. Ах, да – забыл саму учёбу, которая «мешала» такой стремительной жизни. По-моему, дома тогда я только ночевал. Да и то не всегда. Чаще был на соревнованиях в других городах. Но особых конфликтов с родителями у меня никогда не было. Учился я хорошо. Родных старался не расстраивать. Был достаточно послушным и дисциплинированным юношей. Отец с матерью никогда не пытались контролировать меня по мелочам и навязывать свою волю.

В 78-м и 79-м годах случился ряд событий, которые сильно повлияли на мою дальнейшую судьбу. Они очень разные по значимости, но это никак не умаляет их роли в определении моих жизненных приоритетов.

Начнём с музыки. Мы с Толяном «достали» всех со своим ВИА. Вроде и струны поставили, и песен знали кучу, и орали громко, но на сцену нас не выпускали. Тогда на экраны кинотеатров Советского Союза вышел фильм Владимира Меньшова «Розыгрыш» с юным Дмитрием Харатьяном в главной роли. С верным Семёновым мы посмотрели этот фильм раз десять, безумно завидуя ребятам – нашим ровесникам, у ко-

торых был свой ансамбль. Кстати, песни из этой кинокартины нам не понравились. Кроме одной – «Когда уйдём со школьного двора». Остальные были явно не для школьного ВИА. Их исполнял ансамбль «Добры молодцы». Мой Толян ворчал:

– Никогда у нас не будет такой аппаратуры!

А я ему вторил:

– Никогда мы не сможем так играть!

И вдруг нам очень повезло. Как-то раз на издаваемый нами «грохот» в «музыкалке» заглянул сын нашего школьного физрука – Дмитрий Козлов. Он учился на втором курсе мединститута. Репетирующих тогда было уже трое: на бас-гитаре пытался играть Серёга Логинов. Дима высоко оценил нашу любовь к хорошей музыке, но обозвал полным говном наше музицирование. Мы ещё только хотели глубоко обидеться, как гость сел за пианино на школьной сцене и начал играть. Обида тут же улетучилась, но моментально прилетучилась жгучая зависть. Дмитрий играл потрясающе. Он не просто изобразил что-то на клавишах. Старенькое, плохо настроенное фортепиано выдавало такую энергетику, что мы молчали в изумлении. Будущий врач наиграл в одной композиции со своей импровизацией сразу несколько популярных тогда песен. В том числе и западных. Мы были в восторге. Дмитрий предложил нам прийти на репетицию их студенческого ансамбля. И вот как-то вечером в четверг мы зашли в одну из аудиторий нашего казанского мединститута

на улице Бутлерова. Нас встретил студент Козлов. Когда он показал нам аппаратуру и инструменты местной группы, в том числе полностью укомплектованную ударную установку, мы почувствовали себя представителями нищих кварталов Гарлема. Мы рассматривали всё, как будто находились в музее или на выставке. Сейчас, вспоминая свои тогдашние эмоции, мне хочется только улыбнуться. Это были самодельные огромные колонки, ламповые усилители, не очень дорогие инструменты. Но после нашей «музыкалки» с тарелкой за 12 рублей и гитарой с гордым названием «Аэлита» всё казалось просто волшебным.

Когда ребята оглушительно жажнули «Just A Little Bit» из Slade и, как мне показалось, сам Нодди Холдер запел в Казанском мединституте, я испытал ни с чем не сравнимое чувство восторга. Можно сказать – экстаза. А может, это был мой первый оргазм, ибо настоящего я ещё не знал. Короче, я был в шоке! Настоящая мощь, сыгранность, живой, тутошный, совсем рядышком звук потрясли меня. Хотелось быть рядом и играть с этими парнями. И совсем не хотелось возвращаться в нашу аскетичную келью в школе. Мои друзья сидели рядом, и каждый испытывал свои чувства, но в одном мы сошлись сразу: нам так никогда не сыграть! Надо заканчивать мучать наши «Аэлиты» и усилитель УМ, блин, 50! Играть себе в баскетбол и слушать хорошую музыку в магнитофоне.

– Ну, как вам? – прокричал от своего электрооргана Дима

Козлов.

Мы синхронно показали ему большой палец руки и радостно закачали головами, как китайские болванчики. Медики для распевки сыграли «Лестницу в небо» Led Zeppelin, чем «добили» нас окончательно. После этого приступили к рабочей репетиции, разучивая какую-то комсомольскую советскую песню. Мы с удовольствием «впитали» в себя и это. По окончании всего действия к нам подошёл Дмитрий и предложил ехать домой всем вместе. Он тоже жил в районе Декабристов. Мы, конечно, согласились и по пути, в трамвае, высказав нашему старшему другу кучу комплиментов по поводу его группы, сообщили, что свою музыкальную карьеру заканчиваем. Дима Козлов назвал нас «козлами», как бы объединив в одно стадо, и пообещал приехать к нам порепетировать вместе. Своё обещание он исполнил. И каковы же были наши удивление и восторг, когда результатом наших совместных музыкальных тренировок стало исполнение вместе с Дмитрием на сцене школы песни «Nie Spochniemy» группы «Червоны гитары»! Ансамбль, который её пел по телевизору, был из Польши. Соответственно, и я пел на польском языке. Пригодились мои луцкие навыки. Почему мы взяли именно эту композицию, я не помню. Но никогда не забуду шквал аплодисментов наших однокашников и учителей. Играли мы на приличной аппаратуре, взятой напрокат в соседнем ПТУ. После этого, можно сказать, триумфального дебюта ещё два-три мы отыграли полную двухчасовую

программу на школьных танцах-дискотеках. Такое малое количество выступлений объяснялось отсутствием в школе хорошей аппаратуры. Кроме того, времени на репетиции катастрофически не хватало, ибо соревнований становилось всё больше. Но именно тогда в меня и попала эта «заразная бактерия» – играть в группе. Вместе сочинять и «рожать» новые песни. Да, я точно командный игрок!

Спорт. Баскетбол стал частью меня. Он не раздражал, как плавание. Не выдавливал последние силы. Дарил кучу эмоций, как любая азартная игра. Соревнования давали возможность путешествовать по стране вместе с командой. Товарищи по игре, они же одноклассники стали почти родственниками. У меня не было спортивного фанатизма достичь каких-то особых высот. Но когда весной 1978 года, по итогам зональных соревнований первенства Поволжья по баскетболу среди юношей 62–63 годов рождения, меня пригласили на две недели тренироваться на базу сборной команды РСФСР, я на какое-то время почувствовал себя крутым. Нас и так знали пофамильно тренеры лучших студенческих команд Казани. А после этих сборов мне стали настойчиво «дуть» в уши, что все вузы готовы принять меня практически без экзаменов. Но тут пришёл день, который, как бомба, взорвался в моей, казалось бы, уже понятной и предсказуемой жизни.

Глава тринадцатая

Я до сих пор задаю себе вопрос: КАК это произошло? Что случилось с моей головой в тот мартовский вторник 1978 года? И даже сегодня, по истечении десятков лет жизни, на пороге мудрой зрелости, не могу сам себе дать вразумительный ответ.

Итак, как и во всех школах СССР, в марте месяце 1978 года всем пацанам нашего класса вручили повестки в военкомат. Необходимо было явиться и предстать перед призывной комиссией, чтобы получить приписное свидетельство. Всех юношей великой страны брали на учёт для службы в славной Советской армии или в Военно-морском флоте. Ничего особенного и страшного в этом не было. Разве что уважительный повод пропустить школу. Чему все мы были очень рады.

Утром во вторник мама вручила мне чистые трусы и майку, чтобы радовать взор врачей нашего районного военкомата. Я плотно позавтракал, дабы урчание голодного желудка не смутило какого-нибудь специалиста. Веса во мне было эдак килограммов семьдесят пять, а роста – метр девяносто два сантиметра. В мае мне исполнится шестнадцать лет. В армию я пока не собирался, ибо пять казанских институтов «ждали» меня с распростёртыми объятиями. В таком расположении духа я и вышел из дома.

В военкомат отправился типичный среднестатистический

школьник семидесятых годов прошлого столетия. Пятнадцать лет от роду. Из хорошей, благополучной семьи. Член ВЛКСМ. Спортсмен. Почти отличник. С длинными, но аккуратно причёсанными волосами. В расклешённых по моде брюках. В новых синих трусах и белой майке. Любящий историю, иностранные языки и литературу. Ни фига не понимающий в физике и химии. Обожающий играть на гитаре и слушать хорошую, с его точки зрения, музыку. За четыре года, как отец уволился из Вооружённых сил, я уже успел забыть своё гарнизонное детство. О военном прошлом напоминали только парадная форма отца с медалями в шкафу и транзистор ВЭФ, подаренный батю сослуживцами. Родители никогда не заводили со мной разговоры о моём будущем, связанном с армией. Наоборот, матушка всегда внушала мне, что надо поступать куда-нибудь типа МГИМО или, на худой конец, на иняз. По её мнению, мне бы очень пошло светлое будущее в качестве дипломата. И обязательно с работой в далёких, но очень крутых странах. Внутренне я был с ней согласен, так как твёрдо знал, что там наконец-то куплю себе долгожданные джинсы и кучу самых разных фирменных пластов. Ну, если не удастся поступить в Москве, то уж в знаменитый Казанский университет – легко! Буду играть в баскетбол и в студенческом ансамбле. Рядом всегда будут друзья и подружки. Других мыслей на пороге военкомата в моей голове не было.

Так как перед каждым крупным соревнованием мы

проходили осмотр в спортивном диспансере, проблем со здоровьем у нас не было. Правда, меня иногда подводило нестабильное давление. То ли от перетренировок, то ли от волнения цифры порой удивляли врачей. Но в данном случае я не волновался, и всё было в норме. В последнем кабинете нас ждало собеседование, где призывников приписывали к тому или иному роду войск: кого – в танкисты, кого – в моряки. Я, кстати, хотел попроситься в погранвойска, так как родился 28 мая – в День пограничника. А ещё мне очень нравились овчарки, которые служили на границе. Хотел... но не успел.

Я не помню теперь даже то, как выглядел майор, который встретил меня в том самом судьбоносном кабинете. Но с позиции сегодняшнего возраста и жизненного опыта уверен, что тот офицер был, как говорится, на своём месте. Пробежав глазами по моему личному делу, он, «воткнув» в меня свой взгляд, радостно то ли спросил, то ли ответил самому себе:

– Так ты, Юрий Слатов, из военной семьи?!

– Да.

Мне показалось, что именно этим «да» я тогда сразу же определил свою будущую судьбу. Потому что далее всё было как во сне. Майор загипнотизировал меня своими эмоциональными доводами и доказательствами в том, что я рождён только для того, чтобы учиться в военном училище и связать свою жизнь с армией. Узнав, что я по своему складу

конченный гуманитарий, спортсмен и музыкант, мой «соблазнитель» восторженно поведал мне о Новосибирском высшем военно-политическом училище, где только и ждут таких «орлов», как я:

– Это одно из лучших училищ в стране! Конкурс, как в МГИМО! Учатся там сплошь великие спортсмены и музыканты. Выпускники училища служат в Германии и Чехословакии, Венгрии и Польше, на Кубе и даже в Монголии! Что тут думать, Юра?! Хватай свою жар-птицу за хвост и в следующем году жди вызов на экзамены. Согласен?

Что-то щёлкнуло в моей голове. Кто это сделал? На каком этаже неба определили мой путь в жизни? Пять минут назад ничего подобного даже не приходило мне на ум. Но вдруг куда-то исчезли казанские вузы. Отошёл на второй план баскетбол. Друзья-подружки даже не пытались отговорить меня мысленно. Пол Маккартни и Элтон Джон словно улетели на Луну. Родители? А вдруг отец обрадуется, что я пойду по его стопам? Мама? Так вон же – сплошная заграница в перспективе. Ну?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.